

УДК 12.00.08

UDC 12.00.08

**СИСТЕМАТИЗАЦИЯ КРИТЕРИЕВ
ВЫДЕЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ**

**SYSTEMATIZATION OF CRITERIA FOR
IDENTIFICATION OF EXTREMIST CRIMES**

Безроков Аслан Олегович
*Кубанский государственный аграрный
университет, Краснодар, Россия*

Bezrokov Aslan Olegovich
Kuban state agrarian university, Krasnodar, Russia

Активное развитие общественных правоотношений влечет за собой необходимость его отражения в уголовном законодательстве Российской Федерации. Одним из важнейших направлений, требующего повышенного внимания остаются отношения в сфере обеспечения безопасности основ конституционного строя РФ. В настоящее время вопрос о совершенствовании уголовного законодательства остается актуальным. В связи с этим данная статья посвящена одной из главнейших задач – законодательному структурированию системы Особенной части УК РФ, систематизации критериев выделения преступлений экстремистской направленности относительно объекта уголовно- правовой охраны. Автором рассмотрен вопрос о необходимости законодательного решения систематизации преступлений экстремисткой направленности в рамках самостоятельного раздела УК РФ не понижающего “статус”, общественную опасность данного преступления и других преступлений экстремисткой направленности

Active development of public relations entails its reflection in the criminal legislation of the Russian Federation. Currently, the issue of improving the criminal law remains relevant. In this regard, this article focuses on one of the most important tasks - structuring the legislative system of the Criminal Code of the Russian Federation, ordering criteria for identifying extremist crimes relative to the object of criminal law protection. Author considered necessary and legislative decision ordering the crimes of extremist orientation within a separate section of the Criminal Code which doesn't reducing the status, the social danger of the crime and other crimes of extremist orientation

Ключевые слова: СИСТЕМАТИЗАЦИЯ, ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ, ПРЕСТУПЛЕНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ, ЭКСТРЕМИЗМ

Keywords: SYSTEMATIZATION, OBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION, EXTREMIST CRIME, CONSTITUTIONALISM, EXTREMISM

В современных динамично изменяющихся условиях присутствует тенденция отсутствия адекватного отражения в уголовном законе развивающихся общественных процессов. Появление новых или усиление ранее известных угроз требует совершенствования законодательства. Можно отметить, что общественные процессы развиваются порою быстрее, нежели чем их адекватное отражение и борьба с ними в рамках Уголовного кодекса.

На всем протяжении существования и развития конституционализма в России, и особенно на данном историческом этапе, отношениями, требующими повышенного внимания со стороны уголовного

законодательства, являются отношения в сфере обеспечения безопасности основ конституционного строя РФ. Учащающиеся в последнее время преступления экстремисткой направленности, посягающие на названные конституционные отношения, усиление их общественной опасности в условиях современных внутренних и внешних угроз требуют системного подхода к ним, повышенного внимания, осуществления борьбы с ними системными методами.

Современный уголовный закон трудно назвать совершенным систематизированным нормативным актом. На сегодняшний день продолжают оставаться актуальными слова академика В.Н. Кудрявцева о том, что “анализ норм Особенной части приводит к выводу, что вся их совокупность не может рассматриваться как завершенная логическая система, построенная по одним и тем же правилам. Так как уголовное законодательство создавалось на протяжении длительного исторического времени и неоднократно изменялось, система норм Особенной части представляет собой довольно пеструю картину”.

Еще в XIX веке известный классик уголовного права Фойницкий И.Я., отмечая значение систематизации преступлений, указывал следующее: “Имея своим предметом отдельные преступные деяния, различные как по важности их для общежития, так и по внутренней их природе, Особенная часть обнимает огромное их число. Правильное распределение их необходимо как для законодателя, в видах облегчения судебной практики возможно более верного применения уголовного закона, так и для науки уголовного права, в видах уразумения истинного существа преступных деяний”.

Нужно отметить, что систематизация уголовного законодательства является достаточно динамичным процессом, зависящим от конкретных исторических условий жизни общества. На том или ином временном отрезке появляются более важные общественные отношения, нежели

ранее, требующие комплексной, системной защиты в рамках закона. Поэтому рассмотрение системы уголовного законодательства необходимо проводить через исследования общественных процессов, происходящих извне, так как они оказывают значительное влияние на внутреннюю упорядоченность ее существования. Чем динамичнее, мобильнее процессы, происходящие в обществе, тем многообразнее и сложнее развивается уголовно-правовая система. В этой связи исследование системы уголовного закона становится важным не только в научных, но и в практических целях.

Появление в Особенной части УК РФ новых глав связано со стремлением законодателя поставить в условия особой охраны определенные интересы того или иного участника общественных отношений или усилить их охрану.

Такая деятельность, направленная на определение видовых (групповых) объектов уголовно-правовой охраны, по своей сути является систематизацией уголовного законодательства.

В условиях глобализации, усиливающимся зарубежным влиянием на возрастание межнациональных, межрасовых, межрелигиозных, политических конфликтов, угрозы в отношении основ конституционного строя РФ будут не уменьшаться, а только возрастать.

Причем, одним из основных принципов построения данной системы должна являться ее целенаправленность и целеопределенность в рамках Особенной части УК РФ, конкретизирующей объекты уголовно-правовой охраны. Основная цель такой систематизации преступлений экстремистской направленности как самостоятельного объекта охраны – повышение эффективности борьбы с преступлениями против основ конституционного строя Российской Федерации в условиях усиления ему внутренних и внешних угроз.

Существующие и возникающие в объективной действительности общественные отношения, можно группировать по различным сферам (например, отношения по охране личности, экологии и др.). Данные сферы, группы общественных отношений позволяют установить объект уголовно-правовой охраны. Решая вопрос о выделении видового объекта охраны в сфере защиты от преступлений экстремистской направленности, необходимо определить общие критерии выделения тех или иных общественных отношений в качества самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны.

Критериями существенности причиняемого преступлениями вреда, а, следовательно, критериями объединения данных преступлений по признаку общественной опасности, могут быть важность самих общественных отношений; глубина причиняемого или грозящего им ущерба; сравнительно большая распространенность деяний, хотя и не причиняющих серьезного вреда каждое в отдельности, но в совокупности способных нанести его; возможность большой результативности определенного рода поведения; свойства, характеризующие лиц, учиняющих нетерпимые в обществе поступки, и потерпевших; своеобразие времени, способа совершения поступка; общественно-политическая обстановка и т.п..

Одни критерии имеют большее, другие – меньшее значение, однако при формировании общественной опасности определенного типа поступков людей все они важны и должны оцениваться в совокупности.

Таким образом, выбирая объекты уголовно-правовой охраны и устанавливая уголовно-правовые запреты, законодатель должен учитывать, прежде всего, социальную необходимость, обусловленность правового предписания, важность тех или иных общественных отношений, их роль и значение на данном этапе развития общества. Объектом уголовно-правовой защиты должно становиться то, что является значимым

для общества. В условиях существования многонационального, демократического государства, где в Российской Федерации все лица имеют равные права независимо от национальности, расы, отношения к религии и т.п., одним из критериев выделения объекта охраны должно быть обеспечение безопасности в данной сфере, обеспечение охраны данного конституционного принципа, закрепленного в статьях 18, 19, 21, 28 Конституции РФ.

В условиях провозглашения и защиты основ демократического общества, таким объектом становятся отношения в сфере охраны конституционного строя РФ.

В преступлениях, совершенных по мотиву политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, в результате совершения преступления может быть причинен конкретный вред конкретному потерпевшему – физический, имущественный, моральный. Но истинной целью субъекта преступления является причинение вреда политическому, идеологическому, расовому, национальному или религиозному равноправию, мирному сосуществованию, стабильности в обществе, посеять распри, вражду, показать свое превосходство и неприязнь к той или иной расе, национальности и т.п.

Данное обстоятельство является обязательным признаком субъективной стороны, умысла виновного, который в обязательном порядке должен осознавать вышеназванные факты и стремиться причинить вред потерпевшим именно по данным мотивам.

Внутри многонационального государства, где защищается плюрализм мнений, свобода вероисповеданий, мирное сосуществование разных национальностей и нарушение данных принципов чревато большими последствиями, данные вопросы стоят весьма остро и

совершение преступлений по данным мотивам становятся весьма общественно опасными, посягающими на интересы российского общества и государства в целом.

Именно поэтому необходимо систематизировать нормы Особенной части УК РФ по главам на основании однородности интересов субъектов отношений и в частности – на основании однородности интересов потерпевших, на которые указывают мотивы совершения преступлений против указанных лиц. Мотивы преступлений экстремистской направленности как раз и объединяет единство интересов потерпевших как представителей расовой, религиозной, политической, идеологической или иной социальной общности.

Примечание 2 к ст. 282¹ УК РФ предусматривает понятие преступлений экстремистской направленности, тем самым формулирует родовое понятие, которое объединяет в себе ряд преступлений, схожих по ряду признаков. Однако, в УК РФ данные преступления разбросаны по всему его содержанию особенной части, что вряд ли является оправданным.

Преступления экстремистской направленности можно отнести к так называемым “преступлениям с направленностью”. К таким преступлениям можно отнести также преступления коррупционной направленности, преступления террористического характера и др.

Практический смысл выделения таких групп преступлений связан с тем, чтобы обратить внимание правоохранителей на необходимость усиления борьбы с данными негативными социальными явлениями, указать на их повышенную общественную опасность. Кроме того, обособление таких направленных преступлений имеет и процессуальную и криминологическую обоснованность.

Примечание 1 к ст. 205¹ УК РФ “Содействие террористической деятельности”, определяя понятие финансирования терроризма,

перечисляет преступления террористического характера. К таким однонаправленным террористическим преступлениям уголовный закон относит: террористический акт (ст. 205), содействие террористической деятельности (ст. 205¹), публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст.205²), захват заложника (ст. 206), организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст.208), угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст. 211), незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами (ст. 220), хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ (ст. 221), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277), насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278), вооруженный мятеж (ст. 279) и нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360 УК РФ).

Почти все перечисленные составы, за исключением четырех последних, называют преступления, относящиеся к единой сфере противоправного поведения – преступления против общественной безопасности. То есть “направленные” преступления в данном случае в основном объединяются единым объектом уголовно-правовой охраны – общественными отношениями в сфере охраны общественной безопасности. Преступления, предусмотренные ст. ст. 277, 278 и 279 УК РФ предусматривают в качестве объекта охраны государственную безопасность. А понятия “общественная безопасность” и “государственная безопасность” по своей сути являются однопорядковыми категориями.

Такой пример подчеркивает, что если “направленные преступления” могут объединяться в рамках единой сферы общественных отношений, одного объекта уголовно-правовой охраны, то и преступления

экстремисткой направленности также могут объединяться единым объектом, одной главой Уголовного кодекса.

Если основной состав преступлений экстремистской направленности, состав приготовления к данным преступлениям – ст. 282¹ УК РФ “Организация экстремистского сообщества” расположен в главе 29 УК РФ “преступления против основ конституционного строя и безопасности государства” раздела X УК РФ “Преступления против государственной власти”, то возникает вопрос, что все иные составы преступлений экстремисткой направленности должны быть сгруппированы в рамках этой же главы.

Мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы явно является враждебным для основ установленного конституционного строя. Он четко указывает на характер совершаемого деяния, на его природу. Четко прописывает, каким общественным отношениям причиняется вред путем нанесения ущерба тем или иным ценностям, благам.

Общественная опасность преступлений экстремистской направленности заключается в том, что в многонациональном обществе с различными политическими, идеологическими, религиозными взглядами и убеждениями при совершении подобных деяний не просто причиняется вред отдельной личности. Преступления экстремисткой направленности способны причинить более серьезный вред. У потерпевших порождается не только чувство ущемленности, неполноценности, тревоги, страха за себя и своих близких, но и обостряются чувства агрессии, ненависти, вражды, мести, которые могут воплотиться в ответной реакции - причинения преступного вреда жизни, здоровью, имуществу представителям общности виновной стороны. Подобная цепная реакция чревата для основ конституционного строя РФ. В результате такой цепной

реакции может быть причинен вред многим людям, что, несомненно, более опасно, чем отдельно взятое убийство, причинение вреда здоровью или хулиганство.

Поэтому, на наш взгляд, совершение преступлений по мотиву политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы свидетельствует о том, что вред жизни, здоровью, имуществу отдельной личности, причиненный в результате совершения данных преступлений, находится в рамках дополнительного объекта посягательства.

Как мы указывали в предыдущих разделах, в уголовном кодексе имеется множество примеров, когда нормы, предусматривающие ответственность за непосредственное причинение вреда жизни, здоровью или достоинству человека (ст.ст. 277, 295, 296, 317, 318, 319, 321 УК РФ), находятся в других главах, в которых вышеназванные блага выступают в качестве дополнительного объекта посягательства. Основным же объектом являются: основы конституционного строя, интересы правосудия, либо порядок управления.

В уголовно-правовой литературе уже указывается, что вопрос о систематизации двухобъектных преступлений определяется сопоставлением социальной значимости тех общественных отношений и личных интересов, на которые непосредственно воздействует преступление. Если личное благо обладает большей социальной ценностью, чем общественное, то нет оснований для исключения нормы, предусматривающей ответственность за соответствующее посягательство из системы преступлений против личности, и наоборот. В связи с этим приводится пример о том, что обоснованным является включение в систему государственных преступлений нормы, предусматривающей ответственность за посягательство на жизнь государственного или

общественного деятеля (ст. 66 УК РСФСР (ст. 277 УК РФ), так как интересы государственного строя важнее, чем жизнь отдельной личности.

То же самое можно сказать и о деянии, предусмотренном ст. 334 УК РФ “Насильственные действия в отношении начальника”. Указанная норма предусматривает уголовную ответственность за причинение побоев, иного насилия, средней тяжести или тяжкого вреда здоровью военнослужащим начальнику.

Таким образом, выделяя специальную норму по отношению к статьям о преступлениях против здоровья главы 16 УК РФ, законодатель акцентирует внимание на причинение вреда специальному потерпевшему – не конкретному физическому лицу, а представителю командного состава. То есть общественные интересы – интересы службы в данном случае ставятся превыше причинения вреда конкретному физическому лицу.

Как мы указывали выше, со ссылкой на авторитетные мнения, что при совершении убийства по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы потерпевший вызывает у виновного неприязнь или враждебное отношение не своими личными качествами или конкретными действиями, а именно как представитель определенной нации, расы или религиозной конфессии. Для данного вида квалифицированного убийства характерно, как правило, отсутствие конфликта личного характера.

Следовательно, посягательство осуществляется, прежде всего, не на интересы индивида, а на общественные интересы – интересы определенной национальной, религиозной, расовой, политической и т.п. общности. А, как известно, установление характера отношений, выступающих объектом преступления, позволяет определить место нормы в системе Особенной части УК РФ.

Данное обстоятельство свидетельствует, что норма, предусмотренная п. л) ч. 2 ст. 105 УК РФ призвана охранять, прежде всего, не конкретные личные интересы, а приоритеты социального характера - политическую, идеологическую, расовую, национальную или религиозную стабильность, равноправие в обществе, то есть основы конституционного строя и безопасность государства в целом.

В научной литературе указывается, что общественные отношения, выступающие объектом уголовно-правовой охраны, как явление неосязаемы и как понятие абстрактны. Одной из форм их выражения выступает вред, причиненный им преступлением, закрепленный в диспозициях норм. При этом отмечается, что понятие “преступный вред” по объему более широкое, чем понятие “преступные последствия”, поскольку последствия преступления указываются через вред, причиненный участникам (субъектам) отношений – физический, моральный, имущественный (ст. 42 УПК РФ). Следует различать вред, причиняемый объекту преступления, который существует в объективной действительности, но не материален, так как относится не к миру вещей, а к отношениям между людьми, и вред, причиняемый участникам общественных отношений и социальным ценностям, по поводу которых устанавливаются эти отношения. Следовательно, изменения, произошедшие в результате преступления в моральной, политической сферах общества, характеризуют преступный вред.

Таким образом, именно преступный вред, как более широкое понятие по отношению к понятию преступные последствия, участвует в определении объекта преступления, указывает на видовой объект. Однотипность преступного вреда определяет видовой объект уголовно-правовой охраны. Уголовно-правовая норма, расположенная в рамках видového объекта, должна быть создана для охраны от причинения именно данного вреда.

К примеру, вследствие совершения террористического акта (ст. 205 УК РФ) причиняются, прежде всего, преступные последствия в виде причинения вреда жизни и здоровью, имуществу потерпевших. Но не данные последствия определяют место названного преступления в главе 24 УК РФ “Преступления против общественной безопасности”, а более важное общественное благо, которому причиняется вред в результате совершения данного деяния – отношения между людьми по обеспечению общественной безопасности.

Следовательно, фактические изменения в жизнедеятельности людей от преступления, то есть причиненный вред, несоизмеримо больше, чем те непосредственные последствия, которые указаны в норме. В результате совершения террористического акта в обществе возникает страх, паника, угроза причинения смерти многим людям, что и составляет вред данного преступления и определяет объект уголовно-правовой охраны.

На основании вышеизложенного, мы считаем, что необходимо законодательное решение о систематизации преступлений экстремисткой направленности в рамках самостоятельного раздела УК РФ не понижающего “статус”, общественную опасность данного преступления и других преступлений экстремисткой направленности. Наоборот, включение нормы в главу 29 УК РФ будет свидетельствовать о важности охраняемых общественных отношений, о приоритете общественных интересов над личными. Повышенная общественная опасность данного преступления будет также обозначена увеличением размера санкции за данное преступление (как, например, в ст. ст. 295, 317 УК РФ санкция значительнее, чем в норме, предусмотренной п. б) ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Кроме того, перенос ряда преступлений экстремистской направленности в главу о преступлениях против конституционного строя и безопасности государства (либо в самостоятельную главу), то есть изменение потерпевшего от данных преступлений с конкретной личности

на общество и государство в целом, исключит возможность применения ст. 76 УК РФ о примирении с потерпевшим, что также будет свидетельствовать об ужесточении ответственности за данные преступления.

Литература

1. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2001. С. 126-127.
2. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1912. С. 2.
3. Состояние преступности за 2007, 2008, 2009 и 2010 годы. М.: ГИАЦ МВД России, 2008, 2009, 2010, 2011.
4. Никифоров Б. С. Объект преступления. - М., 1960. - С. 27; Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. - М., 1960. - С. 100.
5. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу "Основы квалификации преступлений" / Науч. Ред. и предисл. Академика В.Н. Кудрявцева. – М.: Издательский Дом "Городец", 2007. С. 315.
6. Исмагилов И.А., Осипов П.П. О системе уголовноправовых норм, предусматривающих ответственность за посягательства на личные интересы граждан // Вестник ЛГУ, 1971, № 23. С. 139.
7. Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений. М., 2006. С. 156.

References

1. Kudrjavcev V.N. Obshhaja teorija kvalifikacii prestuplenij. M., 2001. S. 126-127.
2. Fojnickij I.Ja. Kurs ugolovnogo prava. Chast' Osobennaja. Posjagatel'stva lichnye i imushhestvennyje. SPb., 1912. S. 2.
3. Sostojanie prestupnosti za 2007, 2008, 2009 i 2010 gody. M.: GIAC MVD Rossii, 2008, 2009, 2010, 2011.
4. Nikiforov B. S. Ob#ekt prestuplenija. - M., 1960. - S. 27; Kudrjavcev V.N. Ob#ektivnaja storona prestuplenija. - M., 1960. - S. 100.
5. Kuznecova N.F. Problemy kvalifikacii prestuplenij: Lekcii po speckursu "Osnovy kvalifikacii prestuplenij" / Nauch. Red. i predisl. Akademika V.N. kudrjavceva. – M.: Izdatel'skij Dom "Gorodec", 2007. S. 315.
6. Ismagilov I.A., Osipov P.P. O sisteme ugolovnopravovyh norm, predusmatrivajushhih otvetstvennost' za posjagatel'stva na lichnye interesy grazhdan // Vestnik LGU, 1971, № 23. S. 139.
7. Rarog A.I. Nastol'naja kniga sud'i po kvalifikacii prestuplenij. M., 2006. S. 156.